

Отзыв

на автореферат диссертации К. Н. Гаврилова
«ВЕРХНИЙ ПАЛЕОЛИТ БАССЕЙНА ДЕСНЫ И СРЕДНЕГО
ПОДНЕПРОВЬЯ: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И ВАРИАБЕЛЬНОСТЬ
МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ»

на соискание учёной степени доктора исторических наук

Рецензируемая работа посвящена вопросам палеолитоведения одного из ключевых районов Русской равнины – Поднепровья. Первыми памятниками, обнаруженными в регионе, стали Гонцы (1871) и Кирилловская стоянка (1893). С их открытия, а также Карачаровской стоянки около Муромы (1877) и Костёнок 1 под Воронежем (1879) начинается, по существу, изучение палеолита Европейской России. К настоящему времени Поднепровье, наряду с Костёнковско-Борщёвским районом, – один из наиболее изученных в археологическом отношении регионов Восточной Европы, на территории которого зафиксировано порядка сотни верхнепалеолитических стоянок, что определяет повышенный исследовательский интерес к ним. Часть из них, как Авдеево, Быки 7, Гонцы, Добраничевка, Елисеевичи 1, Межиричи, Мезин, Новгород-Северская, Пушкари 1, Супонево, Тимоновка 1, Юдиново, Хотылёво 2, приобрели, без преувеличения, мировую известность. Этому способствовали и многочисленные публикации их материалов (*Городцов*, 1923; *Гвоздовер*, 1954, 1998; *Абрамова*, 1962, 1966, 1995, 2005; *Шовкопяс*, 1965; *Поликарпович*, 1968; *Пидопличко*, 1969; *Абрамова, Григорьева*, 1997; *Величко, Грехова и др.*, 1997; *Беляева*, 2002; *Ахметгалеева*, 2015; *Нужный*, 2015). Однако в большинстве книг содержатся сведения по конкретным памятникам, тогда как монографии, в которых обобщены результаты изучения всего Поднепровья, всегда были единичны (*Борисковский*, 1953; *Формозов*, 1969, 1977; *Каменный век на территории СССР*, 1970; *Палеолит СССР*, 1984; *Soffer*, 1985; *Археология Украинской ССР. Т. 1.* 1986). Среди работ, вышедших в новом столетии и имеющих фундаментальный характер, монографии известных украинских археологов Д. Ю. Нужного (*Нужный*,

2015) и Л. Л. Зализняка (*Zaliznyak, 2020*). Не вызывает сомнения, что каждая новая удачная попытка синтеза материалов, накопленных за полуторавековой срок, может стать триггером в переходе на качественно новый этап в развитии палеолитоведения, причём не только конкретного региона, но и всей Восточной Европы. Это означает, что в силу объективных обстоятельств требования, предъявляемые к аналитическим исследованиям такого рода, весьма высоки.

Справился ли К. Н. Гаврилов с подобной задачей? Это станет видно из отзывов оппонентов, которые будут, как принято, в меру критичны и максимально положительны. Чтобы не занимать внимания членов Диссертационного совета повторами, остановлюсь исключительно на очевидных недочётах рукописи.

Сначала о заглавии, которое звучит как «... **бассейн Десны и Среднего Поднепровья**». Совершенно очевидно, что орографически Подесенье – составная часть Поднепровья. Следовательно, налицо элементарная тавтология, что по объективным причинам недопустимо для квалификационной работы. Необходимо заметить, что географами течение р. Днепр делится на три неравных отрезка: верхний — от истока в Смоленской области и до устья р. Десны на территории г. Киева (1320 км), средний — от Киева до Запорожья (555 км) и нижний — от Запорожья до устья (325 км) (<https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D0%BD%D0%B5%D0%BF%D1%80>).

Это означает, что **рассматриваемый в рукописи полигон никак не может называться Средним Поднепровьем**: совершенно очевидно, что **географически это Верхнее Поднепровье**. Именно там и расположено подавляющее большинство верхнепалеолитических стоянок, упоминаемых в тексте. Из наиболее известных исключение составляют всего три пункта - Добраничевка, Гонцы и Межиричи, дислоцирующиеся на самом севере Среднего Поднепровья, но массив располагается в Верхнем Поднепровье. Даже на неумелой схеме в Альбоме (Рис. 1) всё это хорошо различимо. Возникает вопрос, можно ли выносить на квалификационное обсуждение

рукопись, название которой противоречит географическим понятиям?

Теперь о второй части заголовка: «... **преемственность и вариабельность материальной культуры**». Судя по всему, замысел состоял в том, чтобы показать наследование традиций и их многообразие. В конкретном случае речь идёт о том, чтобы установить взаимосвязь археологических понятий «граветт» и «эпиграветт», а, если быть точным, доказать генетическое родство и хронологическую последовательность их носителей, т. е. соотношение по принципу «предки» - «потомки», и охарактеризовать развитие материальной культуры во времени. Совершенно очевидно: прежде, чем говорить о преемственности, следует определить, что вкладывается в само понятие «граветт», а в силу необъятности этой темы ограничиться, хотя бы тем, что исследователи понимают под терминами «восточный граветт» и «восточный эпиграветт». Это означает, что необходимо рассмотреть совокупность и разнообразие тех и других материалов минимум в границах изучаемого полигона, выявить их сходство и различия и высказать собственное суждение. Для этого, помимо предметного изучения имеющихся коллекций, требовалось произвести обзор отечественной и украинской литературы, хотя классическая монография Ольги Соффер (*Soffer, 1985*) затрагивает данную территорию и досконально освещает эту тематику. Повторюсь: в составе темы вполне достаточно было ограничиться российскими и украинскими изданиями, рассмотреть существующие представления о названных феноменах и дать оценку разных точек зрения. Проведена ли такая работа? Нет. Вся эта проблематика осталась вне историографического обзора (Глава 1).

Гаврилов, по-видимому, исходил из представления об очевидности этих понятий, что категорически не отвечает реалиям: отсутствие единства взглядов подтверждается многочисленными публикациями, в которых, по существу, сколько исследователей - столько и мнений. Этот вывод для специалистов по палеолиту очевиден, особенно если рассматривать «граветтский феномен» не локально, ограничиваясь Поднепровьем, а на

общеевропейском фоне. Как известно, Франция - родина граветта. И здесь следует заметить, что в списке литературы французские издания единичны и представлены статьями по искусству бельгийца Марселя Отто (*Marcel Otte*) и француза Андре Леруа-Гурана (*André Leroi-Gourhan*). Это означает, что целостного представления о классическом граветте Гаврилов не имеет.

Термин «восточный граветт» был введён в научный оборот Дороти Гаррод (1892–1968) в монографии, вышедшей в 1938 г. (*Garrod, 1938*: <https://www.jstor.org/stable/j.ctvh1dppc>). Среди отечественных исследователей он получил популярность во второй половине XX в., отражением чего стал сборник «Восточный граветт» (1998), который выпал из историографического обзора, хотя издание это, без сомнения, этапное.

Судя по всему, появление наименования «восточный граветт» было вызвано не просто географическим расширением границ «западного» или классического граветта, но и различиями в коллекциях. Несмотря на это, среди восточноевропейских исследователей никто проводить предметное сравнение не стал, а сами термины были восприняты как нечто состоявшее, отражением чего и служит вышеупомянутый сборник. Аналогичное произошло и с термином «эпиграветт» и его «восточным» аналогом. Но принять некие понятия совершенно не означает раскрыть их содержание и полноценно охарактеризовать. Казалось бы, это и следовало сделать предметом изучения квалификационного труда, но Гаврилов принял всё как данность, без анализа и критики, посчитав, что всё и без него всем известно, хотя обширная литература свидетельствует об ином. А на фоне монографии Д. Ю. Нужного, увидевшей свет 10 годами ранее (*Нужный, 2015*), посвящённой граветту и эпиграветту Поднепровья Украины, такой подход выглядит крайне уязвимо.

Актуальные вопросы: граветт западный и восточный – это единство или разнообразие, единовременность или последовательность, развитие традиций или отсутствие взаимосвязи, как и многие другие, так и не были сформулированы в рукописи. Не возникли и вопросы по эпиграветту.

Озвучен не был даже такой насущный из них, о чём идёт речь - о «предках и потомках» или исключительно о бытовании неких материалов до максимума валдайского оледенения (**LGM**) и в позднеелениковье (**LGT**). Всё свелось к использованию устоявшихся терминов, значение которых чётко не определено, без попытки понимания их содержания и практического сравнения коллекций. Был избран путь выборочного сопоставления типов по принципу «одних больше – других меньше», что не имеет отношения к научному подходу. На это же указывает и отсутствие в тексте описания, а в приложении - таблиц с количественными данными по опорным памятникам Поднепровья, кроме пунктов в окрестностях Хотылёво, которые не попадают в данную категорию. Нет даже попытки определить, что означает само понятие «**опорный памятник**» и для них чего нужны? Подход, когда сравнение ведётся на словах, неконструктивен и непродуктивен. Археология – не религия, а наука, в которой неприемлем «символ веры». Любые заключения необходимо подкреплять объективными данными и конкретными наблюдениями (анализами), сопровождая их системой доказательств, а не голословных утверждений. Аналитика требует использования достоверных и статистически значимых коллекций, прошедших процедуру **источниковедческой критики**, но об этом в тексте нет ни слова.

Гаврилов полагает, что «Археология первобытности является самостоятельной исторической дисциплиной, с присущими ей предметом и объектом исследований, источниковедением, методологией и методиками анализа источников, а также соответствующей проблематикой» (с. 8, 9). Отсутствие ссылки означает, что фраза принадлежит ему, однако она заимствована из учебника «Археология СССР» Д. А. Авдусина (1977). Обращу, однако, внимание на другое: в анализируемой работе **критика источников**, наличие которой является азбучной истиной (Авдусин, 1972), известной любому студенту-археологу, отсутствует. Именно **критическое источниковедение** и делает археологию исторической наукой. Её

игнорирование - возвращение к состоянию на рубеж 1950-1960-х годов - ничем не может быть оправдано.

Гаврилов пишет: «... основным методом исследования является типологический» (с. 10), а «Научная новизна данного исследования состоит в синтезе данных о типологии каменных индустрий...» (с. 7). Действительно, **типологический анализ** – один из старейших и фундаментальных методов археологии, не утративший своего значения до настоящего времени. Казалась бы, задача облегчается тем, что французскими и польскими исследователями ещё во второй половине XX в. типология каменного инвентаря граветта и эпиграветта была всесторонне разработана (*Tixier*, 1963, 1972, 1978, 2009; *Laplace*, 1964, 1972, 1987; *Kozłowski J., Kozłowski S.*, 1975; *Rozoy*, 1978; *Demars, Laurent*, 1992, 2020). Однако ни одна из этих работ в списке литературы не значится. Следовательно, то, на чём основывается обсуждаемая рукопись, никакого отношения к этим фундаментальным трудам не имеет. Стоит ли тогда удивляться, что предметы со следами сработанности Гавриловым атрибутированы как «скребковидные предметы на отщепах» и «приспособленные скребки» (Альбом. Рис. 43: 1, 3; 94: 4, 8-10, 12, 13), скол подправки лезвия назван скреблом (Рис. 86: 15), мерзлотный осколок превратился в «нуклевидный скребок «с рыльцем»» (Рис. 33), а микропластинки с технологическими негативами стали «стрелками» (Рис. 95: 26, 100: 24). Следовательно, ни о каком анонсированном «синтезе данных о типологии» (с. 7) речи не идёт.

На таком фоне неудивительно, что **технология** восточного граветта и эпиграветта предметно не обсуждается, а ведь без этого лишено смысла и всё остальное. Отсылки к поверхностным статьям А. Б. Селезнёва и Д. К. Еськовой, которые не являются специалистами в вопросах технологии, явно не могут служить полноценной заменой предметным изысканиям в этой области. А вот упоминания труда Е. Ю. Гири и Б. Брэдли – признанных специалистов, которые детально исследовали технологию восточного граветта (*Bradley, Gira*, 1998), в списке литературы нет.

В своих построениях Гаврилов исходит из аналоговой (*типологической*) последовательности материалов и хронологии, построенной на радиоуглеродных датах 1960-1980 гг., которые, как хорошо件нятно, далеки от точности. Более того, он неоднократно упоминает, что использует **некалиброванные** значения (с. 12, 14, 29, 30 и др.). Подобный подход не просто устарел, а в настоящее время уже недопустим, и попытка ориентироваться на некалиброванные даты несостоятельна. Правда, в Приложении (с. 4-16) он приводит и калиброванные значения, но соответствующие исправления в текст внесены не были, ибо эта процедура потребовала бы не только радикального переформатирования всей рукописи, но и отказа от основных её постулатов.

Кстати, новая хроностратиграфическая схема деления позднего плейстоцена и голоцена «IUGS» была принята Международной комиссией по стратиграфии в 2018 г. (*Cohen, Gibbard, 2019; Буданцева, 2022*), находится в открытом доступе, и Гаврилов, если бы знал об этом, вполне мог бы ею пользоваться.

«Базовое» утверждение Гаврилова о заселении Поднепровья на протяжении максимума валдайского оледенения (с. 31, 63) основывается на старой некалиброванной шкале, значения которой не соответствуют современным данным (*Cohen, Gibbard, 2019*). Следует отметить, что достоверные калиброванные даты для этого пленигляциала на настоящее время даже для территории Костёнковско-Борщёвского р-на, расположенного намного южнее Верхнего Поднепровья, единичны. Более того, их надёжность вызывает серьёзные сомнения (*Бессуднов, Диннис и др., 2024*). Это означает, что утверждение Гаврилова о заселённости региона граветтским населением на протяжении всего LGM голословно и лишено фактического основания.

Можно, разумеется, как в прошлом веке, оперировать некалиброванной шкалой, но мировая археология уже прошла эту, как говорит Гаврилов, стадию. Возникает резонный вопрос, как «московское палеолитоведение»

будет выглядеть в глазах всего научного сообщества, если одобрить рукопись в существующей редакции?

Разумеется, при наличии серийных радиоуглеродных дат некие памятники могут быть синхронны, или, напротив, древнее-моложе по отношению друг к другу, что позволяет упорядочить их по возрасту. Подразумевается ли при этом, что хронология материалов автоматически означает ещё и генетическое родство их создателей? Конечно, нет. Чтобы установить взаимосвязь, надо провести перекрёстное сравнение всей совокупности достоверных коллекций, доказав их непротиворечивость радиоуглеродному возрасту. Было ли это выполнено? Нет, ни в малейшей степени.

Это же относится и к **вариабельности**: вскользь перечислить какие-либо из имеющихся памятников совершенно не означает, что они были грамотно описаны, сопоставлены друг с другом, чётко определены их культурная принадлежность и позиция в системе. Ничего подобного произведено не было.

Принципиальные для темы вопросы **традиций и инноваций** в рукописи не рассматриваются вообще, а ведь именно они и в теоретическом, и в практическом плане представляют первостепенный интерес, коль скоро соискатель претендует на степень доктора наук. Надеюсь, что это очевидно.

Необходимо отметить и то, что крайне неудачно назван ряд глав. Глава 1: «История изучения закономерностей культурно-исторического развития центральных районов Русской равнины в верхнем палеолите». **Центральные р-ны Русской равнины – понятие неодушевлённое**, при всей их несомненной значимости никакие «закономерности развития» им присущи быть не могут. Историю делают не районы и рельеф, а люди. Странно, что подобное неведомо кандидату исторических наук. Не лучше звучит и название Главы 5 «Верхнепалеолитическая стоянка Хотылёво 2 как проявление особого культурного варианта восточноевропейского граветта», поскольку Гавриловым не сказано ни слова, что означают изобретённые им термины «**проявление**» и «**особый** культурный вариант». Впрочем, и другие фундаментальные понятия

археологии, как «археологическая культура», «технокомплекс», «тип памятника», «культурный слой», «тафономия» и т. д. он обошёл.

Теперь о **структуре работы**. Достаточно взглянуть на оглавление, чтобы понять: она абсолютно не продумана, композиционно бессистемна и случайна. Так, частный вопрос «Верхний палеолит на территории бассейна Десны в Брянское время» (Глава 3) рассматривается перед более общим «Восточноевропейский граветт центральных районов Русской равнины» (Глава 4), хотя очевидно, что бассейн Десны, как говорилось выше, лишь одна из составных частей изучаемого полигона. Глава 3 вообще не несёт содержательной информации в силу того, что в ней обсуждаются крайне невыразительные артефакты, аморфные в культурном отношении. Их сомнительная ценность состоит в том, что они залегают в напластованиях, геологический возраст которых – по утверждению Гаврилова - соотносится с брянским интерстадиалом (Гаврилов, 2016). Очевидно, что им достаточно было отвести скромный параграф в составе Главы 4, а для полноты картины было необходимо привлечь материалы Украины того же хроноинтервала, причём гораздо более выразительные (Нужный, 2015), чего сделано не было.

Сортированной коллекции Хотылёво 2, помимо Главы 3, посвящена ещё и Глава 5, состоящая из пяти параграфов, тогда как описанию любых других граветтских и эпиграветтских опорных пунктов и их анализу места вообще не нашлось. Отсутствует само понимание, что такое **«опорные памятники»** и для чего они нужны. Не определено, какие из стоянок Поднепровья и его составной части Подесенья можно к ним отнести. Ведь совершенно очевидно, что, например, Елисевичи 1 изучены широкой площадью, обладают выразительными объектами и значимой коллекцией, тогда как Елисевичи 2 подверглось лишь шурфовке. Соответственно и источниковедческая их ценность несопоставима. Стоянка Тимоновка 1 была раскопана на широкой площади, а Тимоновка 2 известна лишь по разведочным зондажам. Значительные вскрытия произведены в Юдиново, Бармаках, Мезине и ещё не менее, чем в двух десятках стоянок, но их

характеристика отсутствует. А вот сортированная коллекция Хотылёво 2А явно не входит круг опорных и надёжных в источниковедческом отношении объектов, поэтому уделять ей особое внимание явно не следовало, а, тем более, делать основой всей работы. Пункты Хотылёво 2Б, 2В, 2Д, Хотылёво 6, городищем Кудеярка обследованы в минимальной степени в силу чего неинформативны. Разумеется, можно работать и с **малыми выборками**, но **статистический анализ** не проведён. Следовательно, избранная «методика» не отвечает современному уровню исследований.

Гаврилов утверждает, что «Общий объём просмотренных коллекционных материалов превысил **34000** предметов...» (с. 8, 9). Эта цифра может впечатлить лишь совершенно несведущего. Даже в сортированной коллекции Хотылёво 2 из раскопок Ф. М. Заверняева, на которой основывается рукопись, их намного больше (свыше 45000). В Юдиново – около 100000 (*Абрамова, Григорьева*, 1997: 82), в Тимоновке 1 – свыше 125000 (*Величко, Грехова и др.*, 1977), в Авдеево – 63500 (*Гвоздовер*, 1998; *Булочникова*, 2012) и т. д. Судя по всему, Гаврилов ознакомился только с выборками, предназначенными для демонстрации студентам, а реальных собраний он не видел и объективно судить о них не может.

В то же время выразительные комплексы, как Авдеево, Юдиново, Тимоновка 1, Мезин, Бармаки, Пушкари 1 и др., вообще не описываются и предметно не анализируются. **Это означает, что попытки сравнения с ними хотылёвских материалов голословны.**

Раздел, посвящённый **палеогеографии** изучаемого региона, отсутствует, а ведь это основа основ. Любой памятник – элемент биосферы и сохранность его материалов целиком зависит от условий окружающей среды и тафономии, о которых в рукописи нет ни одного слова. Следовательно, все интерпретации «структур» - «взгляд и нечто», а не реконструкция.

Ссылки в тексте на палеогеографическую литературу ограничиваются немногочисленными работами А. А. Величко, Ю. Н. Грибченко и Е. И. Куренковой, что явно недостаточно в силу того, что без понимания

состояния и динамики экологической обстановки, т. е. условий обитания, рассуждения об образе жизни человека и развитии индустрий во времени лишены смысла.

Не раз встречающееся в автореферате выражение «... **климатический минимум** (выделено мной – А. С.) периода LGM (20-18 тыс. некал. радиоуглеродных л.н.)» (с. 14, 30, 62, 71, 80) крайне неудачно, так как противоречит общепринятому международному термину «Last Glacial Maximum» или сокращённо – **LGM**, означающему «последний ледниковый максимум». Сводить период максимума валдайского оледенения к некоему климатическому минимуму – это элементарно всё запутывать. Обозначение периода позднеледникового – **LGT**, к которому хронологически относится эпиграветт, в тексте не упоминается ни разу.

Практически **отсутствуют полноценная теоретическая часть**, а ведь для докторской диссертации – это основа основ. «Теоретические» экскурсы перегружены словословием. Вряд ли имело смысл уделять столько внимания стадияльной теории или теории стадий, которую Гаврилов называет «**стадиалистской** (выделено мной – А. С.) концепцией или подходом» (с. 4, 19, 21) – это жаргон, которому совершенно не место в квалификационной работе. Не уделяется должное внимание гипотезе археологических культур и технокомплексов; нет, как говорилось, анализа понятий граветт и эпиграветт, хотя они заявлены целью работы, причём оба термина повторяются в автореферате 245 раз – в среднем трижды на страницу. Очевидно, что теорию нельзя заменить неоднократными повторами, таким способом создаётся исключительно информационный шум.

Термины «поселение» и «стоянка» устоявшиеся в отечественной литературе. Их трактовка Гавриловым никакого отношения к общепринятой интерпретации не имеет. Провозглашаемая им разница в тех или иных структурных чертах «поселений» и «стоянок» (с. 70, 71) – мнимая, она определяется не спецификой памятников и неких сооружений, а исключительно тафономией и особенностями культурных слоёв. Это в

результате постдепозиционных процессов происходят значительные трансформации всех поселенческих структур, что необходимо учитывать, как в ходе раскопок, так и при интерпретации наблюдений. Отсутствие полноценного анализа культурных слоёв, тафономии напластований, артефактов, фаунистических и иных остатков Гаврилов подменяет случайными наблюдениями за расположением костей, ям и сооружений. Это определяет недостоверность его выводов. Не вызывает сомнения и то, что Главу 7 надо было давать не в конце текста, а в его начале - параллельно с **критикой источников**, которая, как отмечалось, вообще отсутствует.

«Мобильное» искусство придаёт известное своеобразие феномену восточного граветта, но эти изделия никогда не бывают массовыми, поэтому их значение для культуроразличения следует рассматривать особо. Сделано это также не было.

Механизмы адаптации человека, способы его выживания проявляются в материальном производстве, но далеко не все артефакты доходят до археологов. Всё то, что наблюдаем, фиксируем и добываем в ходе полевых изысканий, мы пытаемся выразить через набор понятий, вроде «археологическая культура», «технокомплекс», КИО, «граветт» и пр. Но это не означает, что каждый из исследователей в состоянии осознать, что эти термины означают, а, тем более, предметно их оценить и грамотно интерпретировать. Большая часть коллег увлечена раскопками, сохранением памятников и им некогда теоретизировать. Это неизбежно приводит к использованию штампов, готовых схем и догм. Так и Гаврилов усвоил набор расхожих клише и механически перенёс многие из них в рукопись, не потрудившись осознать, что они означают, для чего предназначены, проявлением чего служат. Способ подачи материала, понятийный аппарат и методика изысканий не выходят за уровень 1980-1990 гг., что недопустимо для современной квалификационной работы.

Текст перенасыщен устаревшими штампами и голословными утверждениями, замусорен повторами, автореферат не вычитан, в нём много

грамматических ошибок. Попытки теоретизирования из-за тавтологии отдают наукообразием и не добавляют ничего нового к обсуждаемой тематике.

Тем не менее, образность и проникновенность стилистики Гаврилова хочу отметить особо. Приведу всего два примера:

1) «Материальная культура верхнепалеолитических стоянок Подесенья, и в целом всех центральных районов Русской равнины, может быть рассмотрена как результат последовательного развития во времени и одновременно **взаимного влияния целого ряда сообществ охотников на мамонтов** (выделено мной – А. С.) приледниковой зоны Восточной Европы» (Гаврилов, 2025: 75-76).

2) «... фигурка из второго комплекса стоянки Костёнки 1, сл. I, ... может рассматриваться в качестве отдельного иконографического типа. В пользу её женской атрибуции свидетельствуют: наклонённая вперёд голова и руки, соединённые кистями у низа живота...» (Гаврилов, 2025: 44, 45).

Всё значение рецензируемого сочинения и реальный итог проведённых изысканий Гаврилов хорошо передал словами: «... восточноевропейский граветт – это восточный граветт Русской (Восточно-Европейской) равнины...»; «... под понятием «восточный граветт» и «восточноевропейский граветт» скрываются вполне реальные исторические феномены» (Гаврилов, 2025: 36, 37). В силу того, что **оба термина** это даже **не синонимы, а одно и то же**, т. е., заурядная тавтология, непонятно, почему «исторических, пользуясь его терминологией, феноменов» два, а не один и от чего он «исторический»? В этой связи не стоит удивляться, что «Использование этих понятий не означает еще раскрытия природы той исторической действительности, которую они обозначают...» (Гаврилов, 2025: 37). Не стоит, потому что эта эскапада, как и всё остальное, бессодержательна.

Общее впечатление от работы удручающее. Всё сказанное свидетельствует: с возложенной на себя задачей Гаврилов не справился.

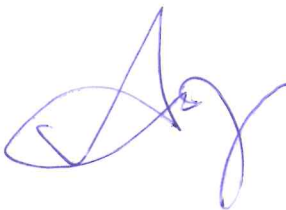
Значительно превышен (в 1,6 раза) объём автореферата (вместо 100000

зн/пр. целых 162760 зн/пр).

Уважаемые коллеги, жаль, что отмеченные выше особенности автореферата диссертации, приходится озвучивать в ходе процедуры её защиты. Все высказанные замечания могли быть решены в рабочем порядке на предыдущей стадии обсуждения работы, информации о которой у меня не было.

Вывод из сказанного очевиден: претендент не заслуживает искомого звания доктора исторических наук.

Вед. научн. сотр. Отдела
теории и методики ИА РАН,
док. ист. наук

 А. Н. Сорокин

11.09.2025

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт археологии
Российской академии наук
117292, Москва, Дм. Ульянова, 19
archaeolog.ru ia.ras@mail.ru
Тел.: +7 499 126 47 98

